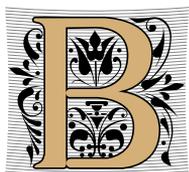

Исторический вестник. Сакральная география Ближнего Востока. 2024. Т. XLVIII.

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.48.015

В.В. Хутарев-Гарнишевский

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ В НАБЛЮДЕНИЯХ, СЛУХАХ И ДИАЛОГАХ. ИЗ ДНЕВНИКОВ Н.П. ВИШНЯКОВА

38-м томе журнала «Исторический вестник» вышел отрывок из дневника многолетнего гласного Московской городской думы и крупного предпринимателя Николая Петровича Вишнякова, посвященный истории Октябрьской революции в Москве¹. Мы продолжаем публиковать избранные места из обширного эпистолярного наследия Вишнякова. Данная публикация посвящена ходу событий Февральской революции в Москве. Хронология и фактология революции в Петрограде изучены историками досконально. Наиболее полным является, бесспорно, исследование А.Б. Николаева, в котором несколько памятных дней февраля — марта 1917 г. расписаны если не по минутам, то по часам². Сохранились десятки дневников и мемуаров, описывающих те события. Однако обстоятельства Февральской революции в Москве исследованы куда меньше. Обзорной монографии на эту тему не выпущено до сих пор, хотя было опубликовано несколько научных статей.

¹ Хутарев-Гарнишевский В.В. Октябрьские бои 1917 г. в Москве глазами очевидца. Из дневника Н.П. Вишнякова // Исторический вестник. Т. 38. М., 2021. С. 212–239.

² Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года: Монография. 2-е изд. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 695 с.

Красная площадь в дни Февральской революции.

Российская государственная библиотека

Ограничено и число источников личного происхождения по этому вопросу. Среди опубликованных наиболее ценными являются дневники мелкого служащего Никиты Потаповича Окунева³ и воспоминания настоятеля собора Покрова на Рву протоиерея Иоанна Восторгова⁴. Сохранилось описание событий февраля — октября 1917 г. в Москве революционера Ивана Васильевича Горшкова⁵. Остальные авторы крайне немногословны: например, начальник московского охранного отделения Александр Павлович Мартынов, потерявший 1 марта 1917 г. контроль над городом, посвятил этим событиям всего одну страницу своих воспоминаний⁶.

Описание революции Н.П. Вишняковым заполняет небогатую полку мемуаров о московском Феврале. Дневники как исторический источник ценны не только изложением фактов, но и передачей атмосферы, настроений, царивших в обществе, бесценными бытовыми зарисовками, являющимися рабочим материалом для историков повседневности.

³ Окунев Н.П. В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя 1914–1924 / Вступ. ст. К.А. Залесского, П. Иванова; коммент. и указ. К.А. Залесского. М.: Кучково поле, 2020. 976 с.

⁴ Восторгов И.И. Воспоминания о начале Февральской революции в Москве // Молодая гвардия. 2001. № 2. С. 105–115.

⁵ Горшков И.В. Мои воспоминания о Февральской и Октябрьской революции 1917 года в Рогожско-Симоновском районе. М., 1924. 39 с.

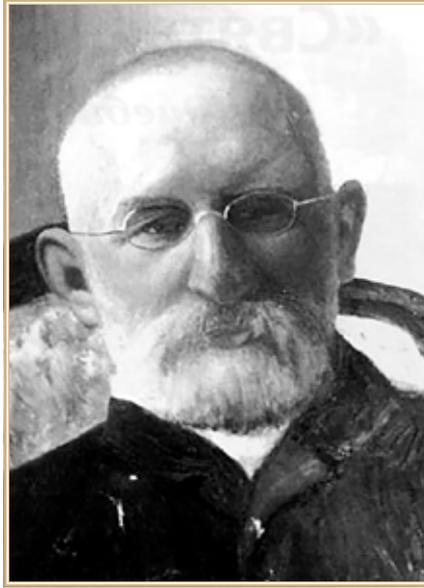
⁶ Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 392.

Значение слуха как источника блестяще раскрыто в недавней монографии В.Б. Аксенова⁷. Дневниковые записи Вишнякова не были подвергнуты позднейшей редакции их автором, поэтому они не содержат рефлексии, переоценки событий, самооправдания. Они передают мнение мемуариста в описываемый им исторический момент. А эмоциональная несдержанность, откровенность этого резкого человека придают особую пикантность тексту.

Вишняковым было написано несколько произведений дневниково-мемуарного характера, наиболее полными из которых являются «Автобиографические заметки» и «Думские воспоминания и впечатления». Они не совпадают ни текстологически, ни по смыслу написанного, органично дополняя друг друга. Вероятно, автор разделил некий протограф дневника на две книги либо вел записи параллельно. «Автобиографические заметки» носят характер ежедневных записей и выдержаны в описательной стилистике. Февральская революция в них предстает как «бег по кругу», переживания и метания городского обывателя, пытающегося, несмотря на полную дезорганизацию жизни, продолжать некое дореволюционное, «нормальное», существование. Это дневник человека, мечущегося в толпе. Хотелось бы отметить совершенную неосведомленность столичного общества, даже гласных (депутатов) городской думы о реальном ходе событий в Петрограде. Из тех сведений о революции, которые Вишнякову удавалось получить через доверенных лиц, подавляющее большинство являлось или полностью ложным, или сильно искаженным отражением действительности. Любой читатель, имеющий хотя бы некоторое представление о Февральской революции, не сможет этого не заметить. Мемуары Вишнякова явственно дают понять, что Москва Первопрестольная — экономический и второй по значимости политический центр России существовал в атмосфере информационного вакуума.

«Думские воспоминания», выстроенные также в форме дневника, имеют более аналитический характер, содержат размышления автора на политические, культурологические, социальные, исторические темы, а также включают запомнившиеся автору диалоги. В их тексте гораздо меньше «ежедневных» записей, иногда между ними может быть интервал в неделю и более. Свое осмысление Февральской революции Вишняков иллюстрирует двумя диалогами. Первый — с академиком Влади-

⁷ Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.

Николай Петрович Вишняков

миром Ивановичем Герье, выдающимся историком, другом семьи Вишняковых и его соседом по Гагаринскому переулку. Второй — с генерал-лейтенантом Михаилом Степановичем Тюлиным, бывшим оренбургским губернатором и квартирантом Вишнякова.

Интересен и сам взгляд Вишнякова на Февраль. Называя Россию великой империей, а русских великим народом, Вишняков противопоставляет им Николая II, который, по мнению мемуариста, был недостоин своего народа. В тексте приводятся все самые вульгарные и фантастические слухи об императоре: алкоголик, изменник Родины, подкаблучник, ведет сепаратные переговоры с кайзером, не любит и не понимает своих подданных. Важно не столько содержание этих слухов, которое довольно типично для того времени, сколько тот факт, что мемуарист — известный ученый, опытный политик с 40-летним стажем депутатской работы, успешный предприниматель, убежденный консерватор — верит в них с той искренностью, с которой малое дитя верит своей матери. Не приходится удивляться тому, что менее образованные слои населения принимали на веру невероятные слухи о монархе и его окружении. Этот дневник раскрывает нам и степень накала неприятия старого режима даже представителями правящей элиты. Многие из них уже в эмиграции при написании мемуаров забыли или намеренно умолчали о своих истинных настроениях в февральские дни 1917 г., оценивая эти события лишь постфактум, по итогам революционного процесса.

Николай Петрович Вишняков с дочерьми

Когда Вишняков писал критические до оскорбительности строки о Николае II и старом режиме, он еще не знал, что 30 декабря того же 1917 г., находясь под впечатлением от первых шагов советской власти, он напишет: «Мы — кругом обмануты и обобраны. И в грозной форме передо мной стоит назойливый вопрос: зачем ты — после поучительных событий 1905 г. — продолжал неукоснительно доверять русским порядкам? Ведь и в 1905 г. подполье громко кричало о диктатуре пролетариата и стремилось приступить к его осуществлению? Неужели тебе этого было мало? Неужели ты не догадывался, что диктатура русского пролетариата может иметь одну главную цель — грабеж? ...И горько позднее раскаяние кричит мне: ты был ребенок, доверчивый и глупый; ты верил в Россию; ты ее ставил на одну доску с культурными странами; ты был патриот, идеолог, а не холодный практик. В тебе не было никакой политической дальновидности. Быть может, мне может служить оправданием только то, что таких доверчивых дураков, как я, был непочатый угол в прекрасной нашей Пошехонии»⁸.

На следующий же день, 31 декабря, Вишняков записал слова выборного Московского биржевого общества Р.И. Прове, «назначившего» ответственных за наступившую в стране анархию: «Вина во всем этом

⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 14. Л. 28–28 об. Слово «пошехония» в разговорной речи XIX в. обозначало «страну дураков» или наивных людей.

безобразии всецело на русской интеллигенции. Сделали революцию, не зная своего народа». Тут же автор заметок добавил от себя: «...Достоевский называл русский народ — “богоносцем”. Стал ли бы он теперь отстаивать это мнение?!..»⁹

В нашей публикации приводятся записи из «Автобиографических заметок» за 21, 27, 28 февраля, 1, 2, 3, 5 и 6 марта 1917 г., содержащие фактическое описание московских событий и толков революционных будней, а также записи из «Думских воспоминаний и впечатлений» за 19 и 31 марта 1917 г., в которых автор рефлексировал и полемизировал со своими знакомыми на тему причин революции.

Для удобства чтения в тексте раскрыты повторяющиеся сокращения: М. — Москва, московский, мин. — министр, сов. — совет, гвард. — гвардейский, СПб — Санкт-Петербург, Госуд. дума — Государственная дума, предс. — председатель, полиц. — полицейский, по кр. м. — по крайней мере, ч — часов, п. ч. — потому что, пер. — переулок, гг. — господа, Ив. — Иванович, гор. — городской, В.И. — Владимир Иванович, А.И. — Александр Иванович, О. Вз. Кр. — Общество взаимного кредита, комм. — комментатор, след. — следующий, мир. — мировой, ув. — уважаемый. Аббревиатура <нрзб> обозначает неразборчиво написанное слово или словосочетание в рукописном тексте автора. В связи с особенностями почерка Вишнякова в оригинале встречается значительное количество сложных для прочтения мест.

**«Автобиографические заметки», часть IX: 1915–1917 гг.
Записи за 21, 27, 28 февраля, 1, 2, 3, 5 и 6 марта**

21 февраля

Москва сидит почти без хлеба. У булочных тянутся длинные хвосты¹⁰ в 200–400 человек, из которых не все получают удовлетворение. Наши люди¹¹ — трое — выстаивают по утрам часа по 3, чтобы добиться нужного или приблизительно нужного количества белого и черного хлеба. Это им не всегда удается, и мы ныне должны довольствоваться малым. Я почти каждый день встречаю¹² эти хвосты. Дня два тому назад у булочной

⁹ Там же. Л. 35.

¹⁰ Хвостами в начале XX в. называли очереди.

¹¹ Имеется в виду прислуга Вишнякова.

¹² Написано неразборчиво.

Казакова¹³ на Рождественке 1 был густой хвост, тянувшийся от булочной до Софийки¹⁴ и заворачивавший по Софийке к пассажам на протяжении шагов 50–60. Проходя в Городскую думу по Б. Дмитровке, я видел около булочной Торпашева¹⁵ толпу человек в 40, стоявшую в ожидании. При мне вышел из булочной толстый приказчик и громогласно объявил, что хлеба больше нет.

27 февраля

Вчера в 6 часов вечера нам звонят по телефону. «В Санкт-Петербурге революция. Гвардейский полк восстал. Протопопов назначен диктатором (!), Алексеев¹⁶ — председателем Совета министров». Достукалось наше отвратительное правительство! Сегодня утром «Московская газета» нами не получена.

28 февраля

Говорят, Багдад взят, Государственная дума распущена до апреля. Я выезжал по делам. Обычные длинные хвосты у булочных. Трамваи не ходят. Никаких других скопищ не видал, хотя мне говорили, будто забастовщики уже разгуливают по Москве. Говорят, забастует водопровод. Паника с Н. А. большая¹⁷. <Нрзб> без моего ведения наполнили 2 кадка.

Газет и сегодня нет. Вчера мне показывали две телефонограммы о событиях в Петрограде с словесными комментариями из судейской среды. Телефонограммы, будто бы, получены Земгором (Земский и Городской союзы); источник их, по многим соображениям, мне кажется очень подозрительным. Приведу, однако, по возможности все, что в них говорилось.

Государственная дума распущена до апреля, Протопопов назначен диктатором, но он бежал. (Комментатор: бежал в Москву, другой комментатор: бежал с царицей в Швецию.) Председателем Совета министров назначен Алексеев. Гвардейские полки Преображенский, Семе-

¹³ Николай Иванович Казаков — потомственный почетный гражданин, один из крупнейших московских булочников. Держал магазины хлебобулочных изделий на Рождественке, Большой Серпуховской, Большой Грузинской, Первой Мещанской, Немецкой, Тверской, Большой Якиманке, Малой Переславской улицах, Большой и Малой Сухаревской площадях, на Зацепе.

¹⁴ Старое название Пушечной улицы.

¹⁵ Филитт Сергеевич Торпашёв — владелец булочной на Большой Дмитровке, 10.

¹⁶ Михаил Васильевич Алексеев — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник Штаба Ставки Верховного главнокомандующего.

¹⁷ Не ясно, что имеется в виду.

Командующий Московским военным округом А.Е. Грузинов. Февраль 1917 г.
 Архив М. Григориана

новский и еще два окружили Таврический дворец и предложили Государственной думе не расходиться, а работать под охраной их. Полк Кексгольмский остался верен правительству, занял позицию в улицах около Государственной думы (названы улицы). (Комментатор: мятежные полки пришли только с прапорщиками, а все старшие офицеры уклонились от бунта.) Царица и ее семья арестованы, Щегловитов арестован и посажен в министерскую комнату при Государственной думе. (Комментатор: Царь арестован в Ставке.) Родзянко послал Царю депешу в том смысле, чтоб он спас положение, исполнил народные пожелания и не рисковал бы стать виновником больших несчастий. О Петроградском движении уведомлен и Брусилов (по другой депеше: Рузский). Брусилов (Рузский) заверил: что бы ни было, исполню свой долг до конца. К собравшейся толпе перед Таврическим дворцом выскочили Керенский и Чхеидзе и беседовали с ней. Предположено организовать временное правительство от представителей рабочих по 3 от каждой большой фабрики или завода и по 1 от более мелких предприятий. Во главе временного правительства стал Чайковский (?! будто бы известный революционер).

Сегодня я пошел по делам. Извозчиков нет, трамваи не ходят. Дошел до Знаменского переулка. Едет ломовой¹⁸ извозчик в нагольном

¹⁸ Ломовиками называли извозчиков, перевозивших грузы.

тулупе¹⁹. «На Кузнецкий мост!» — Помилуйте, барин, разве возможно: меня сейчас там раздели, сняли халат²⁰, всех извозчиков раздевают, чтоб не ездили. Припоминаю, что это был излюбленный прием бунтовщиков 1905 года. Дальше едет опять навстречу извозчик. Нанимаю — машет рукой: «Разве туда можно теперь ходить?» Идет курьер со светлыми пуговицами, может быть бывший думский. «Скажите, пропускают через Кремль?» — «Пропускают только через Троицкие ворота по документу». Так как, по вчерашним сведениям, главный скандал сосредоточивался у Думы (Шура вместе с Клумбергом²¹ видели: шла огромная толпа по Воскресенской площади к зданию Думы, украшенному красными флагами), то я решил идти к своей цели — Верхним Рядам — обходом по набережной. Прекрасный солнечный день. При другой обстановке — большое удовольствие такая прогулка. Против обычного по Кремлевской набережной большое движение: очевидно, не мне одному пришла мысль обходить Кремль с этой стороны. Вдруг вижу у Тайницкой башни автомобиль с красным флагом. На нем сидят человек 5 в солдатской форме и папахах и что-то говорят с извозчиком. Прохожу. Мимо меня проходит мужчина и говорит: «Видели? Они раздевали извозчика, чтоб на нем ездить. У шофера был в руках браунинг». Спрашиваю 2 встречных пешеходов. «Можете спокойно добраться до Рядов!»²² — отвечает вполне утвердительно. Продолжаю идти вперед. За мной вдали слышится пистолетный выстрел.

По ту сторону реки у Кокорева толпа²³, и все явственнее слышу ее галденье. Меня нагоняет женщина и спрашивает: «Пройду ли я на Покровку? Говорят, не пропускают». «Не знаю» — говорю я. «Господи, что за времена. Сейчас у Каменного моста пятерых убили. В сторожку попала пуля, и сторож был бы убит, если бы не находился в это время в задней комнатке». На встречу мне попадают мужики на дровнях. Слышу громко вопросы и ответы: «Пропускают? Пропускают. Не пропускают». Обыкновенный ответ, когда люди ничего не знают положительно. Галденье по ту сторону рва, где черно от толпы становится все слышнее. Через стены Кремля со стороны не то Красной площади, не то

¹⁹ Нагольный тулуп — тулуп, не покрытый тканью, который носили несостоятельные, бедные люди.

²⁰ Извозчики ломовики обычно носили халат из серой дерюги.

²¹ Арвид Яковлевич Клумберг — присяжный поверенный, проживал в Кривоарбатском переулке, 9.

²² Имеются в виду Верхние, Средние и Нижние торговые ряды.

²³ Имеется в виду Кокоревское подворье на Софийской набережной, 34.

Воскресенской площади слышен тоже гвалт. Не доходя краевой башни, я поворачиваю назад. Через минуту или две за мной раздался уже довольно близко резкий выстрел браунинга. Навстречу попадают встревоженные люди. «Пройти или не пройти на Покровку?» — Господа, до чего дожили!

Дохожу до Александровского сада. У Каменного моста гулко от народа. Кричат. Пробираясь сквозь маленькую толпу зевак, дохожу до Ленивки. Стоят два автомобиля с красными флагами. С них что-то кричат народу. Какой-то парень в коротком пальто с красным флагом в руке горячо беседует с извозчиками. Не решаюсь переходить на ту сторону к Храму Христа Спасителя, а иду по Ленивке вверх. Автомобили с красными флагами проезжают мимо, и все кричат что-то. Толпа орет. Машут им вслед кепками. Автомобиль поворачивает по Волхонке направо. А я поворачиваю налево к музею. На улице словно гулянье. Читаю на углу воззвание Шебеко²⁴, извиняющегося что покуда не удалось хлебные карточки приурочить к определенным бумагам и уверяющего, что хлеба в Москве достаточно. Без инцидентов дохожу домой.

²⁴ *Вадим Николаевич Шебеко* (1864–1943) — генерал-майор Свиты, московский градоначальник с февраля 1916 г. по апрель 1917 г. 11 января 1917 г. издал успокоительное Обращение к населению Москвы по хлебному вопросу. В частности, в нем говорилось следующее: «В последнее время среди населения г. Москвы стали циркулировать слухи о критическом положении в Москве дела в продовольственном отношении и о грозящей в близком будущем опасности остаться без муки и хлеба. Благодаря второму околу булочных и хлебопекарен начали образовываться огромные очереди. Булочные не в состоянии были удовлетворять запросы публики в спросе хлеба во всем объеме благодаря только тому, что первые очереди захватывали количество хлеба больше, чем нужно, в целях накопления запасов, и поэтому стоящим в конце очереди ничего не оставалось, и они уходили домой без хлеба. Эти нежелательные явления вынуждают меня обратиться к населению с указанием, что для подобной тревоги в настоящее время никаких оснований не имеется. Уменьшение подвоза муки имеет лишь временный характер и вызвано причинами чисто технического свойства. Меры к снабжению населения г. Москвы достаточным количеством муки приняты, и в ближайшем будущем должны прибыть уже нагруженные и отправленные из Саратовской губернии поезда с мукой. Кроме того, погружена и частью отправлена ржаная мука из Самарской губернии, ввиду чего поступление в Москву достаточного количества муки обеспечено. В настоящее время, впредь до установления нормального подвоза, хлебопекарни, в случае недостатка муки, будут снабжаться мукой из резервных запасов, как моих, так и частных. Запасы эти к 1-му января сего года выражались в следующих цифрах: муки пшеничной 722000 пудов и ржаной 478000 пудов. Муки этой вполне достаточно для прокормления населения г. Москвы в течение 3-х недель, даже при условии временного прекращения подвоза. Таким образом, становится вполне очевидным, что опасность остаться без муки городу Москве не грозит и ложная тревога ни на чем не основана» (Утро России, среда 11 января 1911. № 11. С. 6).

Дома Александр Васильевич приносит сведенье, будто царь избрал новое министерство: председатель Родзянко, министр иностранных дел Милюков, юстиции Маклаков, внутренних дел Гучков А.И., прокурор Синода Самарин.

1 марта, 2 часа

Мой человек говорит, что Москва объявлена в осадном положении и запрещен выход на улицу после 8 часов вечера и до 6 утра. Сегодня вышли газеты. В описании восстания в Санкт-Петербурге и Москве в общем сведения подтверждаются, но ничего нет о думском «министерстве», а еще меньше — о принятии его царем. Царю посланы депеши, но ответа не получено. Положительно оба, и Санкт-Петербург, и Москва, в полной власти революционеров. Все правительственные лица арестованы. Говорят, в нашем полицейском участке нет ни души. Утешительного мало. Это почти полная анархия. Ведь не могу же я серьезно думать, что какая-то милиция сможет спасти город от погрома.

2 марта, утро

Иду на Общее собрание членов Общества взаимного кредита. Извозчиков нигде нет. Изредка проезжают сани с солдатами возницами и седоками. Начиная от Пречистенского переулочка и до Никитской, толпа народу, как на <нрзб> гуляньи: густо по тротуарам, кучками идут посреди улицы. По Волхонке мимо меня пролетает к Пречистенке пара лошадей в санях, перед которыми и сзади крича скачут казаки. Седоков я не разглядел. В толпе слышу: это командующий войсками, то есть Грузинов²⁵. Боровицкие ворота закрыты. Против 2-го Александровского сада²⁶ у Комендантского управления²⁷ большая толпа заняла проезд. По тротуару у сада прохаживает²⁸ много женщин и дам. Чего им надо? Неужели у них нет дел? Вероятно, дело идет об аресте каких-нибудь чиновников, так как теперь этим очень усердно занято новое начальство. Мне хотелось пройти чрез Александровский сад: невозможно. У входа

²⁵ Александр Евграфович Грузинов (1873–1919) — подполковник артиллерии, председатель Московской губернской земской управы в 1912–1914 гг., 1 марта 1917 г. провозгласил себя командующим Московским гарнизоном, участвовал в Февральской революции в Москве, 4 марта принимал парад войск на Красной площади. Участник Белого движения в Донской армии ВСЮР.

²⁶ Средняя часть современного Александровского сада между Троицким и Боровицким мостами.

²⁷ Манежная улица, дом 11. Здание Московской дворцовой конторы.

²⁸ Слово написано неразборчиво.

строй солдат с приткнутыми штыками. В Троицкие ворота не пропускают. Опять 3 солдат со штыками под командой молодого прапорщика в очках. «Я — почетный мировой судья города Москвы. Мне нужно на деловое заседание на Ильинку». — «Нельзя! Вы извините, вам нельзя проходить чрез эти ворота: дальше все ворота заперты». — «Так что я иначе не попаду на Ильинку, как обогнув Александровский сад?» Конечно, что делать! Народу множество. Народ стоит, образовавши две шеренги зевак, смотрит на каких-то проезжающих из Городской думы. А мне во так надо торчать час²⁹. Обхожу толпы по разрыхленному снегу, ставшему месивом от многочисленной толпы. Против думы толпа — и орет что-то.

К Красной площади стало полегче. Верхние Ряды закрыты. Народу все еще прибывает много по Ильинке. Зато Рыбный переулок — пустыня. Ни души. Я даже уже стал сомневаться, состоится ли заседание. Оно очень затянулось: долго не доставало двух человек до кворума 60. Это из 120-ти уполномоченных! наших не было. Председатель правления Калашников³⁰ заявил об уходе... Постановили: подарить ему 35000 рублей; 35000 поставить на баланс для выдачи продуктов нуждающимся служащим Общества взаимного кредита, а 10000 в Коммерческий институт³¹. «Теплых» речей не было и в помине. Назад я пошел другой дорогой, кривя по набережной. Солдаты не позволяют идти по дорожке близко к стенам, а либо посреди улицы, либо по набережной. Тут было просторно. Улицы освещены и Гагаринский переулок освещен. Прихожу благополучно домой в 8 часов. В газете вечером — арест Царя и во дворение в Псков.

3 марта

Все утро ходил по делам. Ходил потому, что трамваи не ходят, а извозчики показались лишь в виде редкости. Как я благодарен *Mr. Ravich*, что он с ранних лет приучил меня ходить пешком! Ходил по Нижним

²⁹ Вероятно, сказано с иронией.

³⁰ Николай Петрович Калашников — директор правления Московского купеческого общества взаимного кредита, член правления Общества Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве, сын директора правления этого общества в 1888–1910 гг. Петра Михайловича Калашникова.

³¹ Московский коммерческий институт (до 1907 г. — Высшие коммерческие курсы) — один из первых в России и Европе экономических высших учебных заведений, был основан Московским обществом распространения коммерческого образования по инициативе А.С. Вишнякова, который стал его попечителем. Существует до сих пор под названием Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

и по Верхним рядам. Слава Богу, ликование еще не начиналось, и девиц с красными бантами и ниточками еще немного. На Кузнецком мосту встретил целую вереницу взрослых девиц из какого-то учебного заведения. Банки открыты только до 2 часов (вчера только до часу). В Петрограде образовался министерский кабинет с Керенским (трудовиком!) в роли министра юстиции. *Joli?!³²* Говорят, царь отказался от престола за себя и за сына. Михаил Александрович также отказался быть регентом. *Comment en sortirons nous?!³³*

2-го марта свершился небывалый еще в Русской истории факт: Николай II отрекся от престола в Пскове. Отрекся, по имеющимся сведениям, так легко и просто, как отказываются от лишней рюмки водки. Ни сожаления, ни угрызения совести, ни сознания высоты прирожденного поста! Как прав был Александр Иванович Гучков, когда 12 лет тому назад мне говорил: «Царь не любит Россию, не понимает ее горестей и радостей». Горько и жутко на душе у людей, сознающих необходимость монархического строя для России. Будущее чревато большими бедствиями, потому что демагоги могут захватить власть в свои руки, опираясь на чернь.

Вчера я опять должен был пешком обделывать свои дела. Извозчики хотя появились, но они редки. Рассчитывал, по примеру прошлого дня, что нормальная жизнь войдет уже в свою колею и что разные учреждения уже будут открыты, по крайней мере до 2 часов. Не тут-то было. Подходя к конторе Волковых в 11 ½ часов, читаю на дверях объявление: контора открыта до 12 часов. Все-таки кое-что мог сделать, но далеко не все в остающиеся полчаса. Спрашиваю причину сокращения времени: парад войскам и молебн на Красной площади. Только народ и валит через Третьяковский проезд. Никольская, Ильинка запружены праздным людом, стремящимся на Красную площадь. Попытался зайти в Рыбный переулок в Общество взаимного кредита: железные двери заперты наглухо. На аптеке Феррейн снимают с вывески двуглавого орла. По-моему, глупо, потому что двуглавый орел символ России, а не лично царя, и достаточно было бы посреди замазать царский вензель.

Надо идти домой. Но как обойти Красную площадь? Решаюсь опять идти по набережной, благо прекрасная солнечная погода. На Варварке, однако, в 2 шеренги выстроилась густая колонна солдат; посредине вы-

³² Красиво?! (фр.).

³³ Как мы из этого выберемся?! (фр.).

Парад на Красной площади в дни Февральской революции

тянулись в линию грузовые автомобили. Мимо них в автомобиле едет, стоя, какой-то высший чин с приложенной к козырьку ладонью. Ему кричат: ура. Однако мне надо переходить на ту сторону. Против Зарядьевского переулка есть перерыв между солдатскими рядами. Две дамы тоже стремятся перейти Варварку в этом месте. «Можно перейти?» — робко спрашивает одна из них краевого солдата. «Можно, только поскорее!» — отвечает он грубо и слегка пихает меня в спину. Спускаюсь в Зарядье к Мокринскому переулку, выхожу на Москворецкую улицу. На ней опять две шеренги солдат. Слава Богу, перехожу благополучно. Народу — парад! Мимо лавок на солнце снег тает. По набережной все тянутся шеренги солдат. К ним примыкают шеренги, спускающиеся с Васильевской площади. Ну как меня остановить! Нет, проскальзываю между солдатами к угловой башне. Тут становится полегче, нет толкотни. Но часовой опять отгоняет меня от крайней к стене дорожки, предлагая идти по улице. На набережной тянутся вдаль бесконечные эшелоны солдат, но уже в один ряд ближе к башням; набережная свободна. Мне попадается навстречу много пешеходов, направляющихся к Москворецкому мосту. Мимо едет верхом какой-то высший военный чин, которого солдаты приветствуют, а он им козыряет. Чей-то голос сзади раздается: «Не пускать народ!» Вот еще! Но тут вмешивается верховой командир: «Нельзя не пускать! Образуется толпа». Ближе к Александровскому саду солдатские эшелоны прекратились, но идет артиллерия.

Каждую пушку везут пятерней³⁴. Проезжает мимо меня батареи три. Я уже против Александровского сада.

Тут вдруг у самой набережной — часовой. Мужичок идет мне навстречу, намереваясь пройти там же, где столько народа сейчас мимо меня прошло. Часовой: «Нельзя!» «Как нельзя?! — выдает жалобно мужичок. — Там не пускают, здесь не пускают, куда-то мне деться!» Не знаю, чем это кончилось. У Пречистенских ворот какой-то восточного типа юноша распродает за 5 копеек какой-то листок³⁵. Причем, у него слету расхватывают. Мне не досталось. В. Константинов мне сказал, что это новый листок — «Вперед!». Воображаю содержание!..

Был у Герье³⁶. Мерзнут. Настроение угнетенное. Елена Владимировна³⁷ говорит, что Москва в руках у рабочих депутатов и что все у нас отберут. Фабрики будто бы втихомолку вооружаются. Новому правительству не удержаться, как не удержались жирондисты³⁸. Владимир Иванович объясняет *Marie-Antoinette l'autrichienne*³⁹.

5 марта, воскресенье

Вечером 5-го марта я никуда не выходил, кроме Герье. Сегодня пришлось опять *per pedes apostolorum*⁴⁰ бывать по делам. День солнечный, но холодный (минус 12°R⁴¹) и ветреный. Как будто все входит в колею. Появилось порядочное число извозчиков (мне, однако, не удалось найти такого на моем пути). Господа служащие трамвайные, кажется, со-

³⁴ Пять лошадей в одной повозке.

³⁵ Листками называли «желтую прессу» — дешевые народные газеты.

³⁶ Владимир Иванович Герье (1837–1919) — выдающийся историк, профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук, член Государственного совета.

³⁷ Елена Владимировна Герье (1868–1953) — филолог, переводчица, попечительница московских начальных школ, дочь В.И. Герье.

³⁸ Во время Великой французской революции жирондистами называли членов Законодательного собрания и Национального собрания Франции от департамента Жиронда. Придерживались умеренно-республиканских демократических взглядов, боролись против углубления французской революции. Весной—летом 1793 г. потерпели поражение в противостоянии с Робеспьером и Парижской коммуной. 21 жирондист был казнен в рамках якобинского террора.

³⁹ Мария Антуанетта Австрийская (*фр.*) — королева Франции, супруга короля Людовика XVI. Была непопулярна среди французов, дискредитировала короля. После Великой французской революции была обвинена в связях с враждебными Франции государствами и казнена на гильотине 16 октября 1793 г.

⁴⁰ В переводе с латыни — Апостольскими стопами. В иносказательном значении — пешком.

⁴¹ Минус 12 градусов по Реомюру соответствует минус 15 градусам по Цельсию.

благоволили приняться за дела: на многих улицах прочищены от снега затоптанные толпою рельсы, и я видел уже два вагона на ходу. Нет только до <нрзб> Воскресенской площади⁴². Пропускают через Кремль, что мне было очень на руку. Банки работали половину дня до 3 ½ часов. Дай Бог, чтобы все обошлось мирно.

6 марта

«Утро России» (Рябушинского) напечатало 5 марта сенсационное сообщение о том, как состоялось отречение Николая II. Оказывается, его пьяная компания (Воейков, адмирал Нилов и другие) перехватывали депеши, адресованные ему Родзянко (председателем Государственной думы). Петроградскую революцию ему изображали в виде какой-то вспышки среди молодежи и рабочих. Истину ему открыл начальник поезда. Царь хотел было направиться в Москву, сказав, что «к нему там расположены», но узнав, что и Москва от него отшатнулась, покорился участи. «Поеду в Ливадию, и буду там ходить за цветами, которые так люблю». И таково было настроение человека, мучившего Россию в течение всего своего царствования своей неспособностью, упрямством, незнанием и непониманием ни своего положения, ни интересов народа! Как для них прост переход от мучительства целой страны к сентиментальному уходу за розами и лилиями!!!

ЦГА г. Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 13. Л. 61, 68 об.

«Думские воспоминания и впечатления», книга VI: 1912–1918 гг. Записи за 19 и 31 марта 1917 г.

19 марта

С головокружительной быстротой шли события. Произошло что-то сказочное: Россия, верноподданная, терпеливая, выносившая донельзя, над которой Европа давно смеялась за ее рабское долготерпение, и то не выдержала экспериментов, которые над ней беззастенчиво производил царь-идиот и царица-мессалина. Гнездо царственных изменников сразу было растрепано. И никто пальцем не тронул, чтобы им помочь, никто их не пожалел, все говорят «Сла-

⁴² Вероятно, имеется в виду, что не ходил один из диаметрических маршрутов трамвая. Воскресенская площадь — это старое название площади Революции.

ва Богу». И этот жалкий призрак царя даже акта своего отречения не сумел по-человечески подписать чернилами, а просто карандашом. Как будто ему это было также безразлично, как иные пишут наско-ро карандашом записку приятелю или список грязного белья прачке. Какие презренные люди! И они-то управляли судьбами великой империи, великого народа в течение долгих лет. И народ этот слушался, кряхтел, но склонял голову.

И как ни странно, есть непонимающие. Особенно печально, когда непонимающими оказываются люди, которые когда-то учили добру и высоко стояли над толпой по своему умственному развитию.

После городских выборов, попавши в кандидаты, я, конечно, перестал ездить в Думу. Насильственная кассация выборов Протопоповым меня не смутила. Фальшь этой кассации была в глаза; я знал, что выборы протекли нормально. И вдруг В.И. Герье спрашивает меня:

– Почему вы не ездите в Думу?

– Потому что я не гласный.

– Как не гласный, когда новые выборы кассировались?

– Да ведь они кассировались заведомо облыжно. Одни имена Протопопова⁴³ и Котлецова-жалобщика⁴⁴ вам это свидетельствуют.

– Позвольте, позвольте, — он несколько горячась, — Закон предоставляет право министру кассировать... К тому же вы знаете, что новые выборы подстроены радикалами.

– К прискорбию, я знаю, что выборы протекали в общем порядке; злоупотреблений не было, а следовательно, мое моральное чувство претит мне заседать там, где я не уполномочен.

Он замолчал, очевидно, неудовлетворенный.

После отречения Николая II мы опять увидались. Нельзя было не обменяться мнениями по поводу этого почти невероятного события. И вдруг Герье спрашивает:

⁴³ Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1918) — один из лидеров Прогрессивного блока Государственной думы, министр внутренних дел России с сентября 1916 г. по февраль 1917 г. Санкционировал арест рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. Расстрелян.

⁴⁴ Александр Алексеевич Котлецов — присяжный поверенный, домовладелец, гласный Московской городской думы. Обвинялся в том, что получил от министра внутренних дел Протопопова в конце 1916 г. 30 тысяч рублей казенных денег на предвыборную агитацию «правых» партий. Выпустил три номера агитационной газеты, но выборы проиграл. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Протопопов личное знакомство с Котлецовым и выделение ему денег отрицал.

– Да в чем же собственно обвиняют Николая II?

Если бы он мне сказал, что вся Америка поглощена в одну ночь океанами, я удивился бы не менее. После короткой паузы я отвечал:

– Владимир Иванович, ведь он был настоящий типический тиран своего народа. Сам же давши народу Государственную думу, он все время подтачивал все конституционные гарантии, извращая Основные законы, ставил министрами заведомых врагов Думы и даже чистых предателей как Штюрмер и Протопопов...

– Я не могу согласиться с этой точкой зрения по личному отношению к Николаю II, — проговорил он вяло.

– Если вы, Владимир Иванович, хотите этим указать, что царь был очень любезен на приемах, то ведь это подчеркивает еще сильнее его вероломство. Припомните отставку Самарина из обер-прокуроров Синода: накануне была аудиенция у царя; царь был милостив, внимателен и любезен; расспрашивал, соглашался; Самарин был приглашен на ужин во дворце. Самарин уехал домой, уверенный в прочности своего положения. И вдруг поутру, едва успевши спустить ноги с постели, он получает вызов председателя Совета Министров в полной⁴⁵ форме, который сообщает, что царь не нуждается более в его услугах. Александр Иванович Гучков 12 лет тому назад говорил мне про царя: «ни на одно его слово нельзя положиться».

– Как бы то ни было, личное мое отношение к Николаю II не позволяет мне держаться вашей точки зрения, — упрямо проговорил опять Герье.

Единственным извинением почтенному Владимиру Ивановичу может служить то, что ему в настоящее время идет 80-ый год. Он ничего не помнит. Весьма вероятно, что Мясоедовщина, Сухомлинов, Распутин, Штюрмер у него изгладились из памяти. Старческое слабоумие!..

Другой вопрос: что нас ждет?

Не скажу, чтобы будущее мне представлялось в розовом свете⁴⁶. Городское управление подпало под власть какой-то подпольной сволочи, которой и имени мы не знаем. Челноков уже недостаточно прогрессивен и его выпихнули из голов. Правда, с коленопреклонениями и фимиамами, но не все ли это равно? Выбран в головы пустомеля Н.И. Аст-

⁴⁵ Неразборчиво написано. Возможно, письменной — сокращение от письменной. «Проглатывание» букв и слогов характерно для почерка Вишнякова, например, ктрый — который, чавк — человек.

⁴⁶ Так в тексте.

Инсценировка похорон старого режима,
устроенная у Малого театра артистом Владимиром Дуровым. 12 марта 1917 г.
Государственный центральный музей современной истории России

ров⁴⁷, бесконечная словесная мельница, человек слова, но не дела. Члены Управы бегут: ушли Малинин⁴⁸ и Литвинов⁴⁹, уходит Брянский⁵⁰, а Брянского 10 астровых не заменят, ушел Авинов⁵¹.

Попутно мне кажется не лишённым значения следующий факт. Состав Городской Думы, как известно, выбран в 1916 г. Сполна — 160 человек. Между тем вчера, на выборах в городские головы за Астрова подано было 100 голосов, против него 14, итого 114 голосов. Спрашивается: куда

⁴⁷ Николай Иванович Астров (1868–1934) — один из лидеров Партии народной свободы (конституционных демократов), гласный Московской городской думы, директор Московского кредитного общества, в 1917 г. — московский городской голова, председатель Всероссийского союза городов. Избран членом Учредительного собрания. Во время Гражданской войны состоял в Особом совещании при главнокомандующем Вооружёнными силами Юга России А.И. Деникине. Эмигрировал в Прагу.

⁴⁸ Владимир Федорович Малинин — инженер-механик, член присутствия Московской городской управы.

⁴⁹ Владимир Николаевич Литвинов — член присутствия Московской городской управы.

⁵⁰ Виктор Диодорович Брянский — статский советник, товарищ председателя городского головы.

⁵¹ Николай Николаевич Авинов (1881–1937) — экономист, член партии конституционных демократов, председатель Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. Автор работы «О мерах к улучшению городских финансов» (М., 1918). Расстрелян на Бутовском полигоне по обвинению в контрреволюционной агитации.

Инсценировка похорон старого режима у Малого театра.
Выступает артист Владимир Дуров. 12 марта 1917 г.
Государственный центральный музей современной истории России

же девались 46 остальных голосов? Случайными причинами это нельзя объяснить. Обыкновенно на выборах в головы принимает участие вся Дума за редкими исключениями: по болезни, отсутствию из Москвы и т.п. Это не могут быть умеренные: наших столько нет в Думе. Следует скорее думать, что наши находятся в числе 14, вотировавших против. А потому мне сдается, что эти уважаемые относятся или к гласным крайне левым, или к кадетам, не любящим Астрова. Таким образом, вполне возможно, что оппозиция у Астрова будет немаловажная, если сложить 46 + 14.

И кто же комиссар Москвы? Н.М. Кишкин⁵², грубый и тупой водолечебник, человек дурно воспитанный, хорошо мне знакомый по думе. О том, что это за гусь, может дать понять следующий эпизод.

На днях председателю мирового суда Челищеву⁵³ понадобилось по какому-то делу видеться с Кишкиным. Кишкин принял его в домовой

⁵² Николай Михайлович Кишкин (1864–1930) — врач, совладелец водолечебной и электролечебной клиники в Москве, гласный Московской городской думы, член партии конституционных демократов, руководитель Исполнительного комитета московских общественных организаций, сторонник А.Ф. Керенского, министр государственного призрения Временного правительства.

⁵³ Виктор Николаевич Челищев — статский советник, мировой судья Симоновского участка, член Московского отделения Императорского русского технического общества.

церкви генерал-губернаторского дома. В разговоре он стал ходить вдоль церкви, причем Кишкин без церемоний входил через царские врата в алтарь. Челищев — верующий и богомольный человек. Его такое бесчинство покорило, и он заметил Кишкину, что через царские врата имеют право входить только священнослужители.

— Для меня это безразлично, — ответил Кишкин. — Я смотрю на церковь как на учреждение, как и всякое другое.

31 марта

Наш жилец, генерал-лейтенант Михаил Степанович Тюлин, бывший перед революцией оренбургским губернатором, вернулся в Москву с женой и рассказывает интересные вещи.

Он получил первые сведения о Петроградской революции в 3 часа ночи. К нему явился начальник почтовой конторы с только что полученными депешами, в недоумении, оглашать ли их или нет⁵⁴. «Я был за оглашение, без проволочек, говоря, что циркулярные депеши, посланные новым правительством с требованием сообщить их населению и прошедшие уже чрез множество городов, между прочим, чрез Самару, конечно, станут быстро известными и у нас в Оренбурге, а следовательно сокрытие их может вызвать в народе крайне возбужденное настроение против властей, нуждающихся в такой критический момент именно больше всего в доверии. Жандармский полковник держался другого взгляда, высказался против оглашения, но я уже взял это на свою ответственность и немедленно сообщил все городскому голове. Все обошлось хорошо, может быть, благодаря этому. Выборы прошли благополучно. Комиссаром был избран городской голова, человек порядочный, бывший присяжный поверенный; в комитет выбран был нотариус, бывший товарищ прокурора, люди образованные и умные. Ну, конечно, обошлось не без тревоги. Несколько ночей я не спал до зари, и только, когда совсем рассветало, ложился часа на 3–4. Как-то дворовый мальчишка прибежал сказать, что на двор бывшего дворца (где помещалась губернаторская квартира) зашел какой-то солдат и все расспрашивал, где вход к губернатору, и будто бы у этого солдата из-за голенища торчал большой нож. Насколько это было верно, не знаю; может быть и миф. Никаких эксцессов у нас не было. Был у нас командующий пехотой генерал (я ведь наказной атаман местных казаков и командовал только этой частью), который не пользовался любовью

⁵⁴ Далее и до конца — монолог Тюлина, записанный по памяти Вишняковым.

солдат. Чтобы не вышло с ним чего-нибудь, мы его живо выпроводили по железной дороге в безопасное место. Расстались мы с оренбуржцами в наилучших отношениях: нас провожали на станции, желали всякого счастья, говорили прощальные речи. Может быть, они отдали должное моим заботам: я ввел в Оренбурге карточную систему ранее Москвы. Кроме того, я думаю, я обязан этим моему самостоятельному отношению к Петроградскому правительству⁵⁵ в последнее время его существования, не допуская мер, противных интересам края. Когда нужно, я не стеснялся действовать самостоятельно. Вот пример. Получаю от министра внутренних дел предписание: все запасы зерна посылать в Туркестан для продовольствия тамошнему населению; вместо этого я буду получать для продовольствия зерно из Акмолинской области. Подчиняюсь. Посылаю наши запасы в Туркестан один месяц, другой месяц, а из Акмолинской области ничего не приходит. На третий месяц я ничего не посылал. Из Туркестана на меня жалоба. Из Петрограда запрос: почему? — Отвечаю: потому что нам ничего не дают из Акмолинской области, оттого и мы ничего не даем. Должны были удовлетвориться».

«Переезд наш в Москву был тяжелым⁵⁶. Мы ехали пятеро, причем было три женщины, в маленьком купе I класса для двоих. В коридоре вагона, плечом к плечу, ехали стоя солдаты. Продрагаться через них было очень трудно, хотя бы в клозет; можно было рисковать не вернуться на свое место. А для дам особенно. Нас двое мужчин, при некотором намеке со стороны дам, протискивалось с трудом в коридор, дабы дать возможность дамам оправиться. Солдаты занимали не только коридор, но ехали на крышах вагонов, на буферах. Отношение их ко мне было вполне корректное: отдавали честь, когда показывался. Это были большей частью солдаты, возвращавшиеся на фронт после самовольной отлучки; возвращались они отчасти по собственному почину, отчасти притыженные односельчанами».

«А в первые дни дезертирство в армии было большое: бежало 700.000 человек. Ну все-таки это не Бог знает какая цифра для того числа солдат, которые стоят на фронтах. Думаю, в этом дезертирстве было отчасти виновато Временное правительство, долго не приводившее армию к присяге. Они, по-видимому, не понимали, что значит присяга для солдата. Он присягал Николаю II, Николая II нет, и никто не занял

⁵⁵ Имеется в виду — к царскому правительству.

⁵⁶ Продолжается рассказ Тюлина.

его место. Понятно, что в его детском представлении возникает мысль о полной свободе действий, не отдавая себе отчет в неправомерности уклонения от службы».

«Мне кажется также, что Временное правительство ошиблось, не удержав Николая Николаевича в роли главнокомандующего. Он пользуется большой популярностью в армии и мог бы сослужить еще хорошую службу России. Конечно, надо принять во внимание и опасения нового правительства удержать на таком крупном посту возможного кандидата на трон, хотя, по моему мнению, узурпацию со стороны его нельзя опасаться. Не такой он человек, чтоб вопреки воле народа погнаться за короной».

«Новое правительство отнеслось ко мне благосклонно. От А.И. Гучкова я получил назначение на Кавказский фронт в должности корпусного командира. Правда, раньше на Западном фронте я командовал двумя корпусами. Но это безразлично. Я рад своему назначению. Я уже раньше служил на Кавказе и хорошо знаком с местными условиями. Условия эти не из легких. В горах — снег по брюхо лошади, метели, резкие ветры; спустишься в долину — солнце в упор, 50° жары, заболевают люди, падают лошади, часто нет воды. Иногда войскам приходилось отступать, опять уходить к горам, только из-за климатических условий. Но я, слава Богу, выносив, и на моем здоровье до сих пор эти моменты не отзывались. Еду служить с Юденичем, моим старым товарищем по войскам. В качестве командующего крупной частью, обязанного быть в тылу, жизнь моя не подвергается большому риску, но, конечно, шальные пули залетают иногда далеко и в тыл. Ну что же? Умру с честью за родину. Это долг старого солдата».

«Надо приветствовать назначение Алексея главнокомандующим. При большой талантливости и военных знаниях, это человек неподкупной честности и правдивости. Помню, мы были собраны в Варшаве на военный совет великим князем⁵⁷. Всеми давно было признано, что географическое положение Польши, выдающееся из русских владений каким-то отростком среди германских и австрийских владений, в высшей степени неблагоприятно для стратегических действий: для защиты этой окраины империи требуется большая армия, которая при натиске враждебных армий с севера и юга может очутиться в самом критическом положении. Поэтому с самого начала большинство штаба держалось того взгляда, что Польшу защищать нельзя, а надо

⁵⁷ Имеется в виду великий князь Николай Николаевич-младший.

отступить на укрепленную линию Вислы. Этот план и был выполнен впоследствии. Хотя и при других обстоятельствах. На военном совете великий князь выступал противником оставления Польши, указывая на моральное значение, какое будет иметь для народа такой добровольный отказ от защиты нам принадлежащей территории. Созванные генералы робко поддакивали: «Я согласен с Вами, Ваше Высочество!» Однако Алексеев твердо и решительно стал доказывать безусловную необходимость очищения Польши. Его выступление так повлияло на всех, что сам великий князь принужден был согласиться с доводами Алексеева».

«Могут ли немцы хвастаться своими победами над нами? Где они, эти победы? Может ли разбойник, вооруженный с головы до пят, хвастаться, что одолел безоружного проезжего, физически гораздо более его сильного? Погибла наша 2-ая армия, но погибла потому, что ее предал Мясоедов, доносивший немцам о всех ее положениях⁵⁸. Нас отогнали далеко от линии Вислы? Да, но ведь немцы выпускали до 10.000 снарядов в день, а у нас снарядов не было, быть может, самый тяжелый день моей жизни, когда я командовал под Сморгонью. Немцы на нас наседають, засыпают нас чемоданами⁵⁹. А мы? Мы стоим и — не отвечаем: мы бережем снаряды, которых почти и нет. И в этот-то тяжелый момент получаем из штаба приказание: не отвечать на артиллерийский огонь противника совсем. Надо быть командиром крупной части, чтоб понять то чувство, которое я испытал тогда, я ответственный за тысячи жизней, мне порученных. Ведь молчание на пальбу врага будет понято нижними чинами не иначе как измена. Ведь они не знают в точности, есть ли у нас снаряды и сколько их. Что делать? Я решил созвать офицеров и солдат и откровенно высказал им положение. После этого удивительно ли было бы, если бы все мои части разбежались. И тут-то сказался русский солдат, первый в мире. Ему каждая минута сулит верную смерть, а он стоит

⁵⁸ Современными российскими и иностранными военными историками выяснено, что обвинение полковника С.Н. Мясоедова в шпионаже в пользу Германии оказалось сфабрикованной военными властями фальшивкой, нацеленной на оправдание поражения в Восточной Пруссии. Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Дело Мясоедова // *Родина*. 2011. № 3. С. 78—81; № 4. С. 81—83; *Фрейнат О.Г.* Правда о деле Мясоедова и др. по официальным документам и личным воспоминаниям. Вильна, 1918; *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2009; *Шаццилло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // *Вопросы истории*. 1967. № 2. С. 103—116.

⁵⁹ В начале XX в. словом «чемодан» на русском военном жаргоне назывались крупнокалиберные снаряды.

на месте. Не думаю, чтоб какой-нибудь солдат в мире выдержал такое безнадежное положение, кроме нашего».

«Измена сыграла роковую роль в этой тяжелой войне. Кто бы мог думать, что один из главных предателей — наш военный министр Сухомлинов?⁶⁰ А между тем, всем, кому надо было известно, что стоило только с деньгами в руках пойти на Морскую, дом Альтшиллера №...⁶¹, и за деньги продавалась любая должность. Как понять иначе назначение Григорьева⁶² в коменданты Ковно, — того самого Григорьева, который после падения одного южного форта Ковно, имея возможность отстаивать северные и восточные форты, удрал на автомобиле, бросив крепость на произвол судьбы? <Нрзб> назначен не мог быть. Крепость должна быть поручена инженеру главным образом, а Григорьев был чисто кавалерийский генерал. С другой стороны, на фронт, мы это знаем, назначались инженер-генералы. Как можно объяснить такие аномалии иначе, как закулисными нечистыми расчетами. Мне на себе самом пришлось ис-

⁶⁰ Предательство военного министра В.А. Сухомлинова также является мифом, частью кампании по ловле шпионов и дискредитации царского правительства, проводимой легальной оппозицией и подконтрольной ей прессой в 1916 г. Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле, 2014; *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

⁶¹ *Александр Оскарович Альтшиллер* — австрийский предприниматель. Переехал в Киев в 1870 г. Близкий друг В.А. Сухомлинова. Помог ему с организацией развода любовницы Сухомлинова Екатериной Викторовной Бутович с ее мужем, организовав лжесвидетелей якобы измены ее мужа, Бутовича. Совладелец Южно-Русского машиностроительного завода. С назначением Сухомлинова военным министром в 1909 г. переехал в столицу. В Санкт-Петербурге проживал сначала на Гороховой, 9, а потом на улице Гоголя, 12. В 1913 г. разорился, был смещен с должности председателя Южно-Русской машиностроительной компании, а вскоре покинул Россию. В марте 1914 г. купил маленький домик под Веной, где и проживал, контактов с Сухомлиновым больше не имел. В России остался его сын Оскар Альтшиллер, проживал в Киеве, в 1915 г. был арестован, но по настоянию Сухомлинова отпущен. Информация, приведенная генералом Тюлиным, совершенно не соответствует действительности. Во время Первой мировой войны никто из Альтшиллеров не только на Морской улице, но и вообще в Петрограде не проживал и никакого влияния на министра Сухомлинова не имел. На упомянутой в тексте мемуаров Морской улице (сейчас называется Большая Морская) располагались здания Главного штаба, ряда банков, обществ, посольств и частных домов.

⁶² *Владимир Николаевич Григорьев* (род. 1851) — генерал от кавалерии, комендант крепости Ковно с 1909 г. Во время немецкого штурма крепости 26–28 июля 1915 г. бросил гарнизон и бежал, что привело к дезорганизации обороны и сдаче ее противнику 4 августа. 22 ноября 1915 г. приговорен к лишению дворянства, наград и ссылке на каторжные работы на 15 лет по обвинению в бездействии и оставлении крепости во время боя. Находился в Орловской тюрьме.

пытать приемы Сухомлинова. Предстояло два назначения: одно около Ковно на Северном фронте, другое на Южном, около Владимира Во-лынского. Я был в штабном списке первым кандидатом. Мне не хотелось ехать на юг, хотелось быть поближе к семейству, и я хлопотал о том, чтобы меня назначили в Ковно. Получилось как раз обратное: получил назначение во Владимир Во-лынский, а в Ковно был назначен молодой генерал, даже не числившийся в штабном списке, беспородный, холостой, которому было бы безразлично командование и на юге. Я поехал в штаб за разъяснениями. Там пожимают плечами. «Вы были первым в списке, остальное от нас не зависело, а от военного министра». И прибавили: «Да Ваше дело не может считаться потерянным. Съездите на Морскую в дом Альтшиллера, отвезите 5000 рублей, и Вам дадут какую угодно дивизию».

«Ковно, конечно, могло бы еще продержаться, если бы там командовал настоящий человек, хотя — мне это хорошо известно — крепость была устаревшего типа, с одними земляными укреплениями и в конце концов была бы взята. В ней был только один форт новейшей конструкции, действительно замечательный, сооруженный по новейшим данным фортификации. Ну, если-то только и могли похвастаться, его только и показывали иностранным военным агентам».

«Все дело было в императрице. Вся измена, все предательство шли оттуда. Царь — безвольный и пьяный человек, находился всецело под ее влиянием. Она вместе с Протопоповым, Бадмаевым и Воейковым систематически спаивала царя, рассчитывая разыграть роль Екатерины II и занять его место. Только ума Екатерины не было! До самого последнего времени она состояла в непрерывных сношениях с Вильгельмом. И знаете, как я это узнал, командуя на Западном фронте? В моем распоряжении был беспроволочный телеграф для сообщения с отдельными частями и Петроградом. Свойство аппаратов беспроволочного телеграфа таково, что они перестают действовать, если в мире где-нибудь действует аппарат большей силы. Мы неоднократно замечали, что наш аппарат отказывается действовать. Запросили Петроград, не мешает ли он нам. Ответ отрицательный. И так несколько раз. Путем справок выяснилось, что в Царском Селе, во дворце, помещен самый сильный аппарат, посредством которого Николай II и его супруга непосредственно могли сношаться с Берлином, Парижем, Лондоном».

«Я очень боюсь политиканства в армии. Солдат не должен участвовать ни в каких политических организациях; его дело — защищать

родину. И больше ничего! Если дисциплина будет расшатана политикой, нам трудно рассчитывать на благоприятный исход войны. А куда будем рассчитывать на здравый смысл самого русского народа и припомним, что Россия выходила благополучно из очень тяжелых положений: вспомним монгольское иго, борьбу с Польшей. Авось так будет и теперь!»

ЦГА г. Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 20. Л. 271 об.-279.

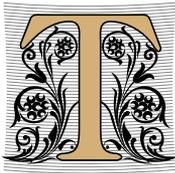

Ключевые слова:

Н.П. Вишняков, московское купечество, Февральская революция, история Москвы, массовые волнения, слухи о Николае II, Н.И. Астров, В.И. Герье, А.И. Гучков, Н.М. Кишкин.

Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky

THE FEBRUARY REVOLUTION IN MOSCOW THROUGH OBSERVATIONS, RUMORS, AND DIALOGUES. BASED ON THE DIARIES OF N.P. VISHNYAKOV

The Moscow events of the February Revolution remain a «blank spot» in the history of the monarchy's downfall in Russia. Given that the main events of the revolution took place in Petrograd, Mogilev, and Pskov, the political and social life of Moscow during February and March 1917 has been scarcely studied by historians. This article publishes excerpts from two manuscripts by Nikolai Vishnyakov, a vocal member of the City Duma: «Autobiographical Notes» and «Duma Memories and Impressions». The entries provided are dated from February 21 to March 31, 1917. The initial part of the records is descriptive, vividly capturing the atmosphere of that days. The latter part, written shortly after the revolution, attempts to analyze the causes of the monarchy's downfall.

The description of city life, everyday scenes, wild rumors, and the widespread unrest that swept through Moscow is of particular interest. Vishnyakov offers insights into various revolutionary figures, including Provisional Government Minister Nikolai Kishkin and Moscow Mayor Nikolai Astrov. The publication offers contrasting assessments of the revolution from two acquaintances of the author: distinguished historian and academician Vladimir Guerrier and Orenburg Governor General Mikhail Tyulin.

The publication continues the unveiling of Vishnyakov's collection of letters, commenced in the 38th volume of the Historical Reporter.

Key Words: N.P. Vishnyakov, Moscow Merchants, February Revolution, History of Moscow, widespread unrest, rumors about Nicholas II, N.I. Astrov, V.I. Guerrier, A.I. Guchkov, N.M. Kishkin.

Text preparation by:

Vladimir Hutarev-Garnishevsky – Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture.

Подготовка текста, введение и комментарии

 Хutarev-Гарнишевский | **Владимир Владимирович**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии
Московского государственного института культуры